

ПРОЛОГ

В начале было начало, и он его не помнил.

Не мог вспомнить, и всё тут, как ни пытался. Рой смутных видений, смешивавшихся, напластовывавшихся одно на другое; родной дом, Долина, родители — он помнил, что это отец и мама, но лица их тонули в тумане, расплывались, особенно мамино.

Потом из мрака, перевитого огнём, появлялось другое лицо.

Лицо девушки-дракона, Аэсоннэ, то в одной её ипостаси, то в другой. Ему чудилась твердь под лопатками, ласковое касание ветра, солнце сквозь веки, шум воды неподалёку.

Время давило на грудь миллионопудовой тяжестью. Вокруг него всё оставалось подвижно, текуче, неопределённо, и лишь там, где застыли они с драконицей, — там был мир.

Мир для них двоих.

* * *

В правой руке его сиял Алмазный меч, в левой надёжно и основательно устроился Деревянный. Драгнир и Иммельсторн, мечи, порождённые взаимной ненавистью Подгорного племени гномов и эльфов-Дану, именующих себя Молодыми.

За его спиной была пропасть, а ещё дальше, за страшным провалом, виднелась зелёная долина с блистающей лентой реки, дымки над крышами, откуда плыл запах тёплого хлеба.

За его спиной была пропасть, а перед ним — медленно, как в жутком сне-видении, надвигались все, кого ему довелось упокоить.

Бесконечные ряды мертвяков, ходячих трупов, скелетов, полуприкрытых остатками плоти и совершенно нагих костяков.

Костяные гончие распахивали пасти, истекающие чёрной слюной, когти царапали голый камень. Драконы, составленные из переплавленных, чудовищно изменённых чужих костей, разводили крылья, словно многопальцевые кисти рук.

Но шли рядом с ними и другие. Люди — со знаком сжатого кулака на длинных одеяниях, другие — в доспехах, при оружии; мелькнуло знакомое лицо — нет! Что она здесь делает?!

Рысь, в том самом берете, как он увидел её первый раз. В берете и с двумя кривыми саблями наголо.

Бледная, в лице ни кровинки, глаза вбуравливаются в него, прожигают насквозь, из них словно течёт чёрный жар Хаоса.

Она не произносит ни слова, молча поднимает обе сабли, становится в позицию. По лезвиям стекают невесть откуда взявшиеся тёмные капли, срываются, падают наземь, шипя и растворяя крепчайший камень.

Две безымянные сабли в руках Рыси, Алмазный и Деревянный мечи — в его собственных.

— Ты нарушил слово, некромант, — слышит он, голова полнится болью, что-то тёплое и щекочущее бежит по шее. — Много раз. Плати! Пришла пора!..

Он не видит, откуда исходит голос, но это и не важно. Пропать за спиной и враги впереди — тоже; самое главное — нашлись те, кто пытается припомнить ему старые долги.

Долги, сделанные до того, как мир изменился.

Над армией мёртвых стягиваются низкие тучи, словно незримая рука набрасывает тёмный саван на бездыханное тело; за спиной его, напротив, ласковое солнце озаряет безмятежное селение, то, что за пропастью.

Рысь, его Рыся застыла пред ним, в точности такая же, как тогда, в трактире, в день их первой встречи.

Это не она, пытается внушить он себе. Это морок, мираж, наваждение. Злая сила или силы, дотянувшиеся до него, пытаются сбить его с толку, запутать, лишить воли. Конечно, её здесь нет и быть не может.

«Вы перестарались, — шепчет он. — Перегнули палку. Я знаю, где я. Я знаю, кто я...»

— Знаешь ли? — прошипело сзади множество бесплотных голосов, и по шее вновь потекло, словно кровь выплёскивалась из ушей.

— Знаешь, кто ты? Нет, ты не знаешь!..

Алмазный и Деревянный мечи пришли в движение, и то, чем он дышал в этом мороке — воздух ли? — застонало, рассекаемое зачарованными клинками.

«Мельница», двойные восьмёрки, правый и левый веера — Драгнир рассыпал облака холодных льдистых искр, словно крошева подгорных кристаллов, в которых родился; Иммельсторн не отставал, зелёное и коричневое тянулось за ним шлейфом, словно плащ, выющийся за плечами бойца. Вьюнки, лианы, призрачные, бестелесные цветы и стебли возникают и исчезают в такт взмахам.

Сила свободно течёт через него, и он знает, что готов.

— Тебя разбудили, — говорит он Рыси, выдерживая яростный взгляд заполненных Хаосом глаз. — Тебя разбудили, вырвали из сна. Я помогу — любимая.

Слово рождается на губах легко и свободно, словно ждало этого давным-давно. Вспархивает дивной бабочкой, расправляет крылья. Чёрный ветер воет, бросается на неё, крутит и ломает, но слово проскальзывает меж его порывов, ловко, будто танцуя. И сам он, не останавливая крутящихся вокруг него мечей, делает шаг вперёд.

— Спи. Ночь длинна, и ужас считает, что владеет ею. Тебе просто снится страшный сон, моя родная. Сейчас всё кончится.

— Кончится! — ревёт мёртвое со всех сторон. Что-то дрогнуло, зашевелилось в бездне, горячие толчки, словно кто-то древний и исполинский ломает пласты земли, поднимая над чернотой слепую башку, тянется вверх, туда, где вихрем кружится свободная сила.

Мертвяки дружно делают шаг. Опускаются ржавые иззубренные наконечники копий, занесены секиры и бердыши, нацелились когти. Свободного пространства вокруг всё меньше, Алмазный и Деревянный мечи ткнут защитное многоцветье вокруг своего хранителя, но Рысь, подняв обе сабли, в отчаянии искривив бескровные губы, тоже шагает к нему, и сталь клинков сталкивается.

Его отбрасывает назад, к самой пропасти, к самому краю, где жадно дышит пустота, где трудно возится пробившийся сквозь пласты реальности зверь; Алмазный меч тонко звенит от ярости, ему вторит Иммельсторн — густым басом Друнгского леса под ветром.

Рысь прямо против него, из глаз рвётся на волю Хаос. Щёки её мраморно-белы, безжизненны, окаменелы. Сабли — они уже не честной и доброй стали; они истаяли, распались, вместо них — лишь память и смерть, пустота, небытие там, где только что были клинки.

Но не-сущее так и не смогло одолеть сущее. Драгнир с братом выдержали.

Слева накатывается вал мёртвых; распласталась в прыжке костяная гончая, и он привычно отстраняется, поставив на пути бестии сразу оба заветных меча.

Алмазный клинок рассекает череп, Деревянный проходит сквозь грудь. Гончая, визжа, летит в пропасть, расчёрнённая на три части — но каким-то образом жизнь не покидает её.

Теперь справа — старый знакомый, костяной дракон. Под покровом спускающихся почти к самой земле иссинячёрных туч, воздев руки-крылья, с которых содрана плоть; искажённая, осквернённая идея дракона — воплощения жизни и магии.

Клыкастая пасть совсем рядом, горят неживые буркалы, и он встречает врага щитом из скрещённых мечей, останавливая напор не-жизни.

Платить? По старым долгам?

Придите и возьмите.

Костяная морда дракона дробится и крошится о диамант и дерево Мечей; всегдашние враги, сейчас они бьются как одно целое.

Ломаются клыки, вцепившиеся в гладкую отполированную поверхность Иммельсторна; Драгнир атакует, пробивает костяную броню на груди, дотягиваясь до сердца чудовища.

Тёмный поток злой силы окатывает с головой, едва не отнимаются руки, но надо, надо стоять!..

Потому что там, в бездне, — его ждут.

Слово! Ты давал слово! — гремит со всех сторон.

Я давал. Но я заплатил.

Память! — ревёт незримое над мёртвым воинством. — Вера! Любовь!..

...Костяной дракон, шатаясь, валится с обрыва. Кому-то пожива, там, внизу, где уже раскрыты жадные глотки, которым всё равно, что пожирать.

Рыся!.. Рысь! — прямо перед ним, сабли свистят, удар, и подставленный Драгнир вдруг покрывается трещинами.

— Потому что ты предал меня!..

Он не отвечает. Алмазное лезвие рассыпается пылью, но прежде, чем умереть, Драгнир успевает ударить, поймать собственным расколом стальное лезвие, и сабля вырывается из ладони воительницы, берет слетает прочь, волосы рассыпаются.

Иммельсторн только этого и ждёт.

Корни деревьев взламывают твердь крепчайших скал; Деревянный меч оживает, впивается в сталь призраками выюнов, и теперь крошится уже металл.

Глаза в глаза — пальцы вцепились друг другу в запястья.

— Это — просто — страшный — сон!.. — бросает он вновь ей в лицо.

Она вся сейчас — тёмный огонь.

Из глаз, изо рта её рвётся жгучее пламя, охватывает их обоих; мёртвые уже со всех сторон, ржавые наверхия пик вспарывают воздух.

Деревянный меч оборачивается гибкой лозой, оплетает их с Рысей, мириадами корней впиваясь в неподатливый чёрный камень; клинка уже нет, вместо него — непроницаемый зелёный купол, о который бесполезно ломаются копыя и клыки неживой армады.

Она с хриплым стоном повисает на нём, голова запрокинута, что-то горячее и тёмное стекает по её подбородку, ноги подгибаются.

— Ты-ы... спаси-и...

Зелёный кокон отрывается от земли, воспаряет над пропастью. Бездна принимает их; страшный сон должен кончиться.

Высоко в небе живой белой молнией проносится нечто стремительное, неразличимое, исполненное гнева.

Она здесь, она успела.

Дочка.

Навстречу им распахивается вечно голодная тёмная пасть, но жемчужно-белая драконица проносится прямо над нею, метко выдохнув клубы ярящегося пламени прямо в бездонную глотку.

Оглушительный визг и удар.

Удар и тьма.

Зелёный кокон лопается, он катится по невесть откуда взявшейся мягкой траве. Катится и замирает.

Звуки и краски, запахи и касания. Мир, простой и грубый, вновь принимает его.

Просыпайся, некромант.

Он старался, но не получалось. Ему казалось, что проходили мгновения — и оборачивались веками. Он был и тут, и там, и ещё в сотне разных мест, словно пытаясь со-

браться воедино, сделаться тем, кем был; а ещё он пытался отвоевать у серой бездны собственные воспоминания.

И ему удалось — все, кроме самых последних.

Коловращение миров остановилось, когда он вдруг ощутил, что вокруг него на сотни и тысячи лиг — пространство, твёрдое, воплощённое. Настоящее, как встарь, как прежде. Способное удержать, способное нести.

И некромант Фесс, Неясыть, Кэр Лаэда — проснулся.

Потому что мир наконец изменился.

— Пей, — произносит негромкий голос, и это не голос Рыси.

— Пей, пожалуйста. Тебе нужно пить.

Ледяная вода ломит зубы. В ослепительной бирюзе неба плывёт огромная тень крылатого кита.

— Просыпайся, — нежно говорит драконица. — Сегодня было лучше, — Аэсоннэ ободряюще касается его плеча. Теперь она уже не драконица — жемчужноволосая девчонка.

Нет, даже и не девчонка — девушка. Совсем молодая, но уже не девочка. Она в длинном плаще до самых пят, волосы распущены и мокры, словно только что из реки.

— Я... не дошёл.

— Я знаю. Кого встретил на сей раз?

Он молчит, отводя глаза, и Аэ понимающе кивает.

— Рысь.

— Она.

Драконица молчит какое-то время, почему-то кусая губу.

Потом протягивает руку, помогает ему подняться.

Пальцы его смыкаются на посохе чёрного дерева, серебряный череп с горящими алым глазницами в оголовке.

— Идём, — тихонько говорит Аэсоннэ. — Мир изменился. Опять. Дорога теперь ещё длиннее.

Да, дорога теперь ещё длиннее. И долги тяжелее.

Но сегодня он прошёл дальше.

ГЛАВА 1

Рыцарь по имени Блейз лежал на спине в холодной липкой грязи. Рядом копошился, скрёб пальцами по железу безголовый костяк; над рыцарем склонился прикончивший мертвяка человек, протянул руку:

— Вставай. У этих тварей так — где двое, там и десяток.

Голос был ровный. Луна поглядела в отполированную сталь глефы и поспешно спряталась, едва осветив твёрдые скулы и впалые щёки Блейзова спасителя.

— К-к-к... — только и получилось у рыцаря.

Потому что он узнал человека с глефой.

Когда незримые зубы выедают тебе нутро, это страх. Рыцарь Блейз думал, что не трус; оказалось, это не так. Раньше он всегда выходил на охоту за тварями ночи и не боялся. А теперь весь дрожал.

«От холода, — сказал он себе. — Это просто холод. А вовсе не взгляд этого... этого...»

О человеке с глефой много болтали в тавернах. Говорили в каминных залах богатых замков. Ветер подхватывал его имя, нёс над дорогами, перебрасывая из одной невидимой ладони в другую, словно бродяга горячую картофелину.

Говорили, что он отнимает жизни, и с лица его никогда не сходит маска холодного, вежливого интереса...

Он появлялся из ниоткуда и, сделав дело, уходил в никуда. За его спиной оставались груды костей, что больше уже никогда не двинутся — злая сила, придававшая им видимость жизни, навсегда покидала их.

Правда, и цена этого была высока.

Болтали, что он каждый вечер, когда взойдёт луна, омывает свою глефу в жертвенной крови; а для этого берёт он со спасённого города или селения дань новорождённым младенцем.

Говорили, что он безжалостно убивает любого, оказавшегося у него на пути и помешавшего какому-либо из его ритуалов.

Рассказывали, что сперва могущественные короли, рексы и кесари искали его дружбы, предлагая даже собственных дочерей, однако человек с глефой даже не смеялся. Он просто качал головой и уходил, и на губах его при этом не было улыбки.

— Вставай. Поясницу застудишь, рыцарь.

Блейз едва-едва сумел поднять руку в латной перчатке. Человек усмехнулся, пальцы его сомкнулись вокруг запястья рыцаря. Хорошо смазанный доспех не подвёл, не выдал себя позорным скрипом.

— Б-благ-годарю, п-почтенный...

Человек с глефой коротко кивнул.

— Тебе лучше поспешить, рыцарь. Луна высоко, а неупокоенные, как я сказал, не ходят в одиночку. Где твой конь?

— Е-его н-нет... А ч-что осталось — в-вон т-там...

Блейз проклинал себя за позорное заикание. Демоны и преисподние, почему его так корежит ужас?! Его спасли, ему помогли — так отчего же ему так страшно?!

Человек обернулся. В стороне от дороги, саженях в тридцать, смутно виднелась тёмная гряда с торчащими белыми рёбрами — всё, что осталось от Блейзова скакуна.

Дорогого, прекрасно обученного боевого коня, между прочим!

— Понятно, — кивнул рыцарю избавитель. — Тогда идём. Тебе опасно здесь оставаться.

Остатки гордости Блейза попытались было возмутиться, но взгляд его упал на недвижные останки костца, и

рыцарь поспешно прикусил язык. На ум очень вовремя пришли прелести Бисуми, и рассудительность, само собой, победила.

— Идём, — повторил человек и особенным образом свистнул. — Моя двуколка — она не подберётся близко.

Отчего повозка не могла подъехать прямо сюда, Блейз не понял. Дорога хорошая, почти ровная, да и лужи, если разобраться, совсем не так уж глубоки!..

Они немного прошли по тракту. По обе стороны лежала низкая равнина, покрытая негустым кустарником, среди которого вздымались покосившиеся менгиры древнего кладбища — собственно, именно ради него Блейз и явился сюда, надеясь собственноручно справиться с ночными тварями.

Пошел по шерсть, а вернулся стриженный, со жгучим стыдом подумал он.

Эх, Микониус, верный мой конь... это ж сколько золота отдать придётся за нового? Бисуми будет очень, очень недовольна. Он в конце концов обещал красавице новую...

Глефа поднялась, описала стремительный круг. Человек, её державший, свистнул вновь, и свист этот больше напоминал шипение змеи.

— Теперь подождём.

Ждать пришлось недолго — вскоре послышалось какое-то шуршание, шевеление, вроде как тяжёлые шаги не одной пары ног.

— Не пугайся, — начал было спутник Блейза, но у рыцаря уже отнялся язык.

Из-за поворота и впрямь появилась двуколка, влекомая...

Влекомая восьмёркой запряжённых в неё цугом мертвяков!

Самых настоящих, матёрых, ходячих мертвяков!

Луна осветила серые недвижные лица, пустые глаза, что только кажутся незрячими, руки-клещи, ноги в обмот-

ках и кожаных ичихах. Неупокоенные тащили двуколку весьма бодро, однако застыли, стоило человеку с глефой ещё раз свистнуть.

— Прошу тебя, рыцарь. Как величать тебя, не скажешь?

Дурная, донельзя дурная примета открывать своё имя этому... этому...

Очевидно, сомнения отразились на лице Блейза, потому что его спаситель только усмехнулся и не стал настаивать.

— Садись, рыцарь. Путь до Хеймхольма неблизок, а звёзды, увы, благоприятствуют нежити.

Блейз сглотнул и стиснул эфес. Нет, всякие сказки слышал он про своего ночного спасителя, но такого!..

— Ничего особенного. — Хозяин повозки перехватил взгляд рыцаря. — Неупокоенные, очищенные от зловредного влияния баньши, укрощённые и вполне пригодные к простой работе. Садись, прошу тебя.

Ближайшие четверо мертвяков дружно раскрыли прикрытые как будто крупными бельмами буркалы. В глазницах, как и положено, горел злобный зеленоватый огонь, челюсти задвигались, зубы заскрежетали, длинные пальцы, каких никогда не бывает у живых, задёргались, из кончиков высовывались и вновь прятались внушительные когти.

Потянуло сладковатым запахом тления.

— Но-но! — прикрикнул человек, тряхнул глефой; лунный свет отразился в отполированном клинке, упал на неупокоенных, и те мигом присмирели.

— Не бойся, рыцарь. Они у меня хорошо вышколены.

Блейз имел на этот счёт собственное мнение, но делиться им сейчас было явно не время и не место.

Кое-как, на предательски подрагивающих ногах, он забрался в двуколку, устроился на скамье.

Человек как-то по-особому встряхнул глефу, и оба лепестка её клинков исчезли, скрывшись в древке.

— Н-но!